

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

К.А. Ильина

**ЧТО ПОБУЖДАЛО РУССКИХ
ПРОФЕССОРОВ ПИСАТЬ РЕЦЕНЗИИ:
К ИСТОРИИ ЖАНРА**

Препринт WP6/2016/02

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
2016

УДК 94(470)
ББК 74.03
И46

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

Ильина, К. А.
И46 Что побуждало русских профессоров писать рецензии: к истории жанра [Текст] : препринт WP6/2016/02 / К. А. Ильина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом. Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). – 20 с. – 150 экз.

Статья посвящена истории появления в университетах Российской империи рецензий на диссертации. Через анализ практик рецензирования квалификационных сочинений, участия чиновников Министерства народного просвещения в экспертизе научных сочинений и закрепления процесса правового требования диссертационной рецензии автор прослеживает становление рецензионного жанра и изменение критериев оценки научной продукции.

УДК 94(470)
ББК 74.03

Ключевые слова: история университетов, Российская империя, диссертации, ученые степени, рецензии, экспертиза, профессора, Министерство народного просвещения

Irina, Kira.
Why Russian professors wrote reviews: to the history of the genre [Text] : Working paper WP6/2016/02 / K. Irina ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2016. – 20 p. – (Series WP6 “Humanities”). – 150 copies. (In Russian.)

The article focuses on the early history of doctoral thesis reviews that were written at Russian universities. Analyzing the practices of reviewing, the ways in which Education Ministry officials participated in the evaluation of dissertations, and the legal requirements concerning thesis reviews, the study traces the formation of the review as a genre and the changing assessment criteria for scholarly production.

Keywords: history of the universities, Russian Empire, academic degrees, thesis, reviews, expertise, professors, Ministry of Education

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Ильина К. А., 2016
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2016

Подходы к теме¹

Сегодня рецензия определяется исследователями как «ритуальный жанр, наполненный не только содержательным, но также и социоморфным (воспроизводящим сообщество) смыслом»². Отмечается ее роль в развитии профессиональной коммуникации, формировании научных школ и сообществ, а также в профессиональном образовании. Рецензии относятся к разновидности служебных текстов, и обретение навыков их создания и договор о структуре таких текстов являются частью академической культуры.

Рецензия («мнение», «разбор», «отзыв», «донесение») на диссертацию появилась в официальном перечне документов академической аттестации 6 апреля 1844 г. («Высочайше утвержденное положение о производстве в ученые степени»)³. «Разбор диссертации» – это служебный «пропускающий» документ, который давал допуск к диспуту для соискателей ученой степени магистра и к экзамену на степень доктора.

Так называемые «внутренние» рецензии на российские диссертации и причины их появления не обсуждались в исследовательской литературе. В работах, посвященных истории научной аттестации, мне не удалось обнаружить упоминания о практике рецензирования диссертаций. Хотя упоминания об этом есть в юбилейных биографических словарях профессоров и преподавателей университетов, а также в биографических и мемуарных текстах, в публикациях по истории науки⁴. Дело в том, что в поле внимания ученых чаще попадал регламент аттестации, а не процедура их проведения. И даже в тех редких, но важных случаях, когда ис-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Критерии научности и эффективности в науках о человеке: история профессиональных конвенций в России / СССР», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

² См.: *Климов И.А.* «Сырое и приготовленное», или к апологии рецензий // Социальная реальность. 2008. № 1. С. 116.

³ Высочайше утвержденное положение о производстве в ученые степени, 6 апреля 1844 // ПСЗ РИ [Собрание Второе]. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1845. № 17806. С. 243–248.

⁴ См., например: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904)*. Т. 1. Казань, 1904. С. 182; *Азидовский М.К.* История русской фольклористики. Т. 2. М., 1963.

следуются практики защиты (челябинские историки под руководством Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной занимаются изучением так называемой «диссертационной культуры» историков второй половины XIX–XX вв.), мы получаем реконструкцию диспута, анализ речей соискателей, замечаний оппонентов, заключений совета, но не рецензий⁵.

Публикации Е.А. Вишленковой и З.С. Гатиной о медицинских рецензиях показали специфику развития этой дисциплинарной области. Они обнаружили в двух университетских архивах почти три сотни аттестационных дел по медицине, из которых 122 содержат письменный отзыв на диссертационное исследование⁶. В таком объеме сохранившихся отзывов можно усмотреть свидетельство ранней профессионализации медиков. Вполне вероятно, хорошая сохранность объясняется тем, что врачебные факультеты не только присуждали степени, но и утверждали в них. После этих открытий актуальным остался вопрос о том, как и когда зародилась практика рецензирования среди представителей немедицинских специальностей.

Становление жанра

Научная аттестация сопровождалась производством специфических текстов, зафиксировавших полемику и подготовку к ней. Центральным документом в диссертационном деле была диссертация (и извлеченные из нее «тезы», т.е. тезисы, положения). За полстолетия она превратилась из заключительного этапа письменного экзамена в самостоятельное научное сочинение⁷. Магистр писал ее после успешно сданных экзаменов.

⁵ См., например: *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX в.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010. С. 9–21; *Их же.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С. 221–247; *Их же.* Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // Российская история. 2014. № 2. С. 77–90.

⁶ *Вишленкова Е.А., Гатина З.С.* «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // Российская история. 2015. № 3. С. 157–158.

⁷ Подробнее см.: *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 84–107.

Доктор должен был предоставить текст на «предварительный искус», т.е. обсуждение декана и двух профессоров.

Утверждение самооценности диссертации отразилось на ее внешнем виде. Если в начале столетия это были короткие рукописные тексты на синей бумаге размером в четвертушку, то уже к середине 1830-х диссертации представляли собой отпечатанные или, по крайней мере, начисто переписанные объемные трактаты. Протоколы факультетов и университетов зафиксировали озабоченность профессоров растущим объемом текста, который следовало освоить.

В 1840-е годы в университетской среде обсуждалась необходимость издания диссертационной рукописи. Казанские словесники ратовали за это: «Не обнародовать диссертаций значило бы показать страх суда публики и желанья скрыть свои недостатки. <...> Молодым ученым, которых работы были бы печатаемы, открылся бы способ вступать достойным образом под покровительство одобрительных мнений факультета в мир литературы и не страшиться воплей критики. <...> И даже в таком случае, когда бы судья был слишком строгим, наука будет иметь преимущество оживленным и более тонким разбором предмета»⁸. То есть в противостоянии «воплей критики» и «мнения факультета» рецензент, представляющий «разбор предмета», должен был сыграть роль арбитра.

Протоколы защит в Московском университете в первой трети XIX в. чаще всего содержат фиксацию этапов академической аттестации (прошение, экзамен, одобрение и защита диссертации). Нет оценочных суждений – лишь регистрация факта прочтения диссертации всеми членами отделения и ее одобрения⁹. Пометки «читал» часто делались прямо на титульном листе диссертации и заверялись подписью профессора или адъюнкта. Позднее на специальном заседании отделения проходило устное обсуждение диссертации, после которого выносилось решение («одобрили» или «не одобрили»).

В противоположность Московскому университету, в котором присуждение степеней происходило регулярно¹⁰, профессора Казанского уни-

⁸ НА РГ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 394 «О возобновлении в Казанском университете обычая печатать диссертации ищущих степени магистра или доктора для раздачи их посетителям при публичном защищении», 1842. Л. 1 об.

⁹ См., например: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 496. Д. 1 «Журналы собрания этико-политического отделения; сообщения совета Московского университета; прошения студентов о допущении к экзаменам на степень», 1815. Л. 8 об – 9, 12–12 об., 25, 28.

¹⁰ Чтобы оценить динамику присуждения ученых степеней, например, по историко-филологическим факультетам, см.: *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские дис-

верситета чувствовали необходимость договориться о соответствии ожиданий от своих первых «профессорских воспитанников» и полученных в итоге научных результатов. Так, 29 ноября 1824 г. декан отделения словесных наук профессор Ф.И. Эрдман доносил в совет университета о результатах совместной экспертизы и обсуждения диссертации кандидата Ф.Е. Кондакова «О складе языка российского». «Сочинение сие, – уверял он, – хотя не во всех частях в желаемом виде обработано, не вполне удовлетворяет требованиям излагаемого им предмета; имеет много промежуточных мыслей, кои стороною только касаясь его материи, прерывают, некотором образом, связь главных идей; да и по терминологии слог оногo тяжел и недовольно вразумителен; но, как при изложении такового рода материй, требующих ученых, глубоких разысканий не всегда можно удержаться в пределах строгой точности, а тем менее молодому человеку, желающему ознакомиться с своим предметом; а равно весьма трудно сохранить чистоту слога, при недостатке в языке нашем терминов, до наук относящихся; то факультет, принимая в уважение похвальный труд кандидата Кондакова, в котором при всей обширности материи, умел он показать, с здравым суждением, весьма хорошие сведения и обширную начитанность, полагает, признав его достойным степени магистра словесных наук, допустить к публичному защищению своей диссертации»¹¹. В данном постановлении оценивается вклад соискателя в научную разработку темы, а также сформулированы требования к академическому письму. Через несколько лет озабочиться «чистотой языка и правильностью выражения <...> мыслей» в квалификационных сочинениях министерство поручит факультетам¹².

Другим поводом для появления письменных рецензий на диссертации было желание министра народного просвещения иметь независимую оценку сочинения. В 1830-е годы К.А. Ливен и С.С. Уваров стали использовать Санкт-Петербургский университет как своеобразный экспертный центр империи. Начало этому, судя по всему, было положено серией

сертации, защищенные на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): справочное пособие. 3-е изд., испр. и доп. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2004.

¹¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 924 «Документы об удостоении кандидата Кондакова степени магистра», 1822–1834. Л. 1–1 об.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 653 «Дело об утверждении студента А. Гарнака в степени кандидата и о предложении ун-ту обращать большее внимание на язык сочинений студентов», 1827.

переданных Ливеном в совет столичного университета магистерских диссертаций, подготовленных в Виленском университете¹³. Например, кандидату А. Лешкевичу, сдавшему все экзамены и успешно защитившему в Виленском университете диссертацию, не повезло, так как его документы пришли в министерство после официального указа о закрытии университета. Поэтому его сочинение было передано на рассмотрение профессорам физико-математического отделения Санкт-Петербургского университета. В их заключении говорилось, что диссертация «составлена из текстов, заимствованных из сочинений» французских астрономов с устаревшей научной позицией и «не заключает в себе ничего нового, собственно принадлежащего» соискателю¹⁴.

Профессора юридического факультета в середине 1830-х годов проводили экзамены на степень и обсуждали диссертационные тексты студентов-правоведов, подготовкой которых во II Отделении собственной Его императорского величества канцелярии руководил М.М. Сперанский. Так, после долгой подготовки 8 февраля 1835 г. произошла первая защита: К.А. Неволин блестяще защитил диссертацию «О философии законодательства у древних» на трех языках (русском, латинском и немецком)¹⁵. Известно также, что в ноябре 1835 г. профессора факульте-

¹³ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 50. «Дело об отказе утвердить кандидата Виленского университета А. Лешкевича в степени магистра в связи с отрицательным отзывом совета университета о его диссертации», 1832–1838; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 33 «По предписанию г. министра народного просвещения, с препровождением на рассмотрение диссертации кандидата Виленского университета Громовича», 1829; *Там же*. Д. 34 «По предписанию г. министра народного просвещения, на рассмотрение диссертаций кандидата Виленского университета Гедымина и Расковского, и словаря химических терминов профессора Фонберга», 1829–1830; *Там же*. Д. 56 «О рассмотрении диссертации кандидата Румбовича», 1830; *Там же*. Д. 57 «О рассмотрении диссертации кандидата Румбовича с препровождением на рассмотрение рукописи “Начальные основания арифметики и алгебры”», 1830; *Там же*. Д. 59 «По отношению директора департамента народного просвещения с диссертаций на польском языке кандидата Виленского университета Римгайлы для рассмотрения», 1830; *Там же*. Д. 77 «По предписанию г. министра народного просвещения о рассмотрении диссертации кандидата Заблоцкого», 1831–1832; *Там же*. Д. 111 «По предписанию г. министра народного просвещения с препровождением диссертации кандидата Лешкевича», 1832; *Там же*. Д. 112 «По предписанию г. министра народного просвещения с препровождением диссертации кандидата Малоцкого на рассмотрение», 1832.

¹⁴ Ф. 733. Оп. 66. Д. 50. Л. 1–10, 101–102 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61 «Об испытании в Санкт-Петербургском университете студентов законовведения, обучавшихся в берлинском университете», 1833–1845. Л. 36.

та рассматривали диссертацию еще одного студента Сперанского – А.А. Благовещенского¹⁶.

В 1839 г. в столичном университете защищали диссертации В.С. Порошин и Н.А. Безобразов. Выпускник второго набора Дерптского профессорского института Порошин представил в факультет докторскую диссертацию «Критические исследования об основаниях статистики», которая, «согласно с отзывом подробно рассматривавшего ее ординарного профессора Устрялова, признана факультетом вполне соответствующею цели, для коей написана»¹⁷.

Магистерскую диссертацию кандидата Безобразова рецензировал профессор по кафедре общенародного права и дипломатии Санкт-Петербургского университета и выпускник Профессорского института И.И. Ивановский¹⁸. Его донесение, написанное по поручению факультета, фактически представляет собой краткий пересказ диссертации и заканчивается констатацией: «Рассуждение это, /хотя я и не во всем согласен с автором/, по моему мнению, совершенно соответствует своему назначению»¹⁹.

В 1840–1842 гг. столичные юристы выступали экспертами по диссертациям, написанным вторым набором студентов М.М. Сперанского. Представленные в конце 1840 г. докторские диссертации А.И. Кранихфельда и Я.И. Баршева сразу же были переданы для рассмотрения петербургским профессорам В.В. Шнейдеру и барону Е.В. Врангелю²⁰. В мае 1842 г. попечитель представил министру тексты этих диссертаций, отметив диссертацию Кранихфельда, «содержащую обзор исторического развития российских финансов, замечательную не только в ученном отношении, но и в приложении практическом, [которую] положено отпечатать на счет университетских сумм, по недостатку оных в нынешнем, в 1843 году»²¹.

Любопытно, что присланные из Московского (С.И. Баршева), Харьковского (И.В. Платонова) и Киевского (А.А. Федотова-Чеховского) университетов диссертации были также отправлены на рассмотрение профессорам юридического факультета Санкт-Петербургского университе-

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61. Л. 24 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290 «Дело о разьяснении порядка присвоения степеней доктора и магистра», 1837–1840. Л. 55–55 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 60–62

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 62.

²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61. Л. 103.

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61. Л. 107.

та и найдены «вполне достаточными для присвоения сочинителям их степеней доктора прав»²².

В РГИА сохранился отзыв на докторскую диссертацию профессора по кафедре энциклопедии законовещения и русского государственного права П.Д. Калмыкова «О символизме права вообще и русского в особенности», написанный 30 ноября 1842 г.²³ профессором И.И. Ивановским.

Рецензент, отмечая, что рассматривал диссертацию Калмыкова «по поручению факультета», подробно анализировал структуру и содержание диссертации. Он отмечал научный вклад в развитие темы, который заключался в широком сравнительном характере исследования, объяснении «бывших до сих пор темными, терминов нашего древнего права»²⁴, а также в опровержении точки зрения варшавского профессора римского права В.-А. Мацеёвского о происхождении некоторых славянских обычаев от немцев. «Автор с необыкновенным трудом собрал множество исторических фактов, рассеянных по различным источникам, – поощрительно писал Ивановский, – с величайшею разборчивостью соединил их в одно систематическое целое, и сделанным им основательными выводами и догадками оказал большую услугу не только для истории русского права, но и раздвинул пределы науки права вообще; и что эта диссертация, по моему мнению, вполне достаточна для дополнения экзамена на степень доктора»²⁵.

Профессорам юридического факультета Уваров переправлял спорные диссертации из других университетов. Например, весной 1839 г. правоведу В.В. Шнейдеру, хорошо зарекомендовавшему себя при работе с юными правоведами Сперанского, было поручено отрецензировать защищенную в Казанском университете, но вызвавшую подозрение местного попечителя диссертацию Л.Ф. Камбека²⁶.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61. Л. 114–114 об.

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61. Л. 115–116.

²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61. Л. 115 об.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61. Л. 116.

²⁶ О защите Камбека также см.: Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость. С. 98–100. Тексты рецензии см., например: НА РТ. Ф. 977. Оп. Юридический факультет. Д. 120 «Об искании адъюнктом Камбеком степени доктора Прав по одной диссертации и об отказе ему в оной», 1838–1840. Л. 5–6 об.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4826 «О защите г. адъюнктов университета Фогелем, Фойгтом, Камбеком и Клаусом диссертаций на степень Доктора прав и философии», 1838–1840. Л. 157–158 об.

Рецензент отнес работу соискателя к сочинениям, написанным «без особенных успехов для учености», и обнаружил в ней обширные заимствования из работ немецких правоведов. Местами диссертация представляла собой «буквальный перевод мест, часто даже целых страниц, заимствованных из сочинений Савиньи, Швеппе и других юридических писателей, – возмущался рецензент. – Извлеченные эти места соединены иногда даже без надлежащей связи, а иногда г[осподин]н Камбек, желая казаться самостоятельным, переделывает их не самым выгодным для них образом. <...> Один взгляд на рассуждение г[осподи]на Камбека удостоверит и не юриста в том, что оно есть просто только компиляция, ибо пестрота слога и разбросанные там и сям мысли рождают легко во всяком случае несколько опытным читателе предположение, что он имеет пред собою смесь отрывков из разных писателей»²⁷.

Для доказательства оппонент представил в виде таблицы результаты параллельного анализа текстов диссертации Камбека и перевода изданий, из которых он заимствовал обширные фрагменты. Отзыв содержал убийственное заключение: «Приведенные мною примеры, кажется, достаточны для того, чтобы составить себе понятие о достоинстве компиляции, для которой подробнейшая ученая критика была бы совершенно излишняя»²⁸.

Получив в канцелярии факультета известие об отказе в утверждении докторской степени «на основании рецензии», Камбек подготовил для заседания юридического факультета особое представление-ответ на рецензию²⁹. Соискатель упрекал оппонента в поспешности и неосновательности экспертного суждения. Оскорбленный адъюнкт считал, что единственным выходом является издание его собственного сочинения и «критики» Шнейдера с тем, чтобы «вся ученая публика» беспристрастно могла сравнить их. Сетуя на отсутствие поддержки и права публично возражать рецензенту, Камбек беспокоился о том, «чтобы сохранить неприкосновенным свое доброе имя в мнении тех членов университета, которые, к сожалению, не знают моего произведения, а знают одно только о нем произнесенное суждение»³⁰. Получив упрек рецензента в пересказе труда знаменитого профессора Берлинского университета, специ-

²⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Юридический факультет. Д. 120. Л. 5.

²⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Юридический факультет. Д. 120. Л. 6 об.

²⁹ Копию представления адъюнкта Логина Камбека в юридический факультет Казанского университета см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 84–87 об.

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 85.

алиста по истории римского права и основателя исторической школы права Фридриха-Карла Савиньи, Камбек недоумевал: «Как мало заботился я скрыть свой источник, равно как столь же мало опасался того, что его откроют, это явствует из моих ссылок, <...> [одна из них,] прямо указывающая на моего автора и намеренно обращающая читателя к тому, в какой мере считал своею обязанностью обогатить свой труд лучшим украшением – вставкою мест из такого ученого, творения которого доселе не имели в России переводчика, тогда как знакомство с ним, в этом случае, для большей части читателей должно бы скорее казаться одобрительным приношением в область знания»³¹. Данный пассаж явно фиксирует расхождение взглядов на критерии научности и сущность диссертации у рецензента и рецензируемого.

Обвиняя столичного профессора в нежелании и даже несостоятельности привести подробные примеры упрекам в «пестроте слога», соискатель с апломбом заявлял: «...рассматривая эту бездоказательную рецензию, неудивительно, если кто-нибудь подумает, что рецензент писал ее руководствуясь не беспристрастным обсудом моего сочинения, а как бы личностью, в ученом сословии нетерпимую»³².

Упомянув, что его сочинение было одобрено «надлежащим судилищем» (курсив мой. – К. И.), Камбек выражал надежду на заступничество министра, который «как беспристрастный ценитель труда и усердия, конечно не оставит оградить меня своим покровительством против рассмотрения моего рассуждения сказанным рецензентом»³³.

Переправляя донесение Камбека в совет университета, профессора-юристы, приводя список изданий, в которых помещены похвальные отзывы на сочинения соискателя, прибавляли, что факультет «руководствовался не одним только достоинством диссертации, но принимал в уважение, что г[осподин] Камбек, носивший уже звание доктора прав Кенигсбергского университета, приступил к сему делу пред окончанием назначенного срока, вопреки унизительному мнению г[осподина] Шнейдера, диссертацию Камбека отнюдь нельзя лишить ученого достоинства, и некоторые мнения Савиньи и Швеппе, приводимые в ней, отнюдь не обращают ее в простую Компильяцию, напротив того, диссертация сия написана отчетливо, с знанием новейшей литературы права и с новыми

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 85 об.

³² РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 87.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 87 об.

взглядами на науку. Факультет приняв все сие в уважение не мог не сделать снисхождения на счет худого языка, коим писана диссертация»³⁴.

Тем не менее, рассмотрев донесение Камбека, представления советов юридического факультета и университета, а также донесение попечителя учебного округа, Уваров не считал нужным изменить вынесенный приговор.

Среди историков и филологов наблюдалась подобная же тенденция. Общеизвестен казус с первой магистерской диссертацией Н.И. Костомарова «О причинах и характере Унии в Западной России». В апреле 1842 г. помощник попечителя князь Н.А. Цертелев в специальном донесении обратил на нее внимание чиновников министерства. Составить «разбор содержания» Костомарова было поручено профессору российской истории Н.Г. Устрялову. Рецензент отнес диссертацию «к разряду тех произведений современной литературы, в которых молодые, малоопытные писатели, увлекаясь примером полуученых софистов, заботятся не о подтверждении или лучшем развитии давно признанных истин /по их мнению устаревших/, а о новости воззрения на предмет, стараются блеснуть остроумием или особенным взглядом, дозволяют себе странные парадоксы и впадают в непостижимые противоречия»³⁵. Устрялов ставил в вину автору недоказанность и опрометчивость суждений, противоречивость аргументации и недостаточное внимание к источникам³⁶. В результате в Харьковский университет ушло предписание министра о том, что подобная постановка исследовательской проблемы не одобряется. Факультету была поставлена «на вид несообразность такого с их стороны распоряжения, с подтверждением быть впредь в подобных случаях осмотрительнее»³⁷, а соискателю приказано уничтожить тираж диссертации и написать новую.

Судя по всему, на рецензию столичным специалистам передавалось достаточно много работ. Профессора вынуждены были выкраивать время на чтение этих текстов. Так, 26 января 1843 г. профессор славянских

³⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4826. Л. 61 об.

³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 164 «Дела о запрещении публичной защиты диссертации Н.И. Костомарову на тему: “О причинах и характере унии в Западной России”, об утверждении выбранной им другой темы – “Об историческом значении народной русской поэзии” и об утверждении его в степени магистра исторических наук», 1842–1844. Л. 7–7 об.

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 164. Л. 8–9 об.

³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 164. Л. 6 об.

наречий П.И. Прейс жаловался своему коллеге-слависту из Харьковско-го университета И.И. Срезневскому на дефицит времени из-за чтения и экспертизы диссертационных сочинений: «Обе рукописи (одна из них – магистерская диссертация В.И. Григоровича. – *К. И.*) получили: damnatur. Эти, хотя и лестные, поручения министра довольно неприятны. Оскорбляешь самолюбие людей. Сколько предвижу, этим поручениям не будет конца <...>»³⁸.

В то же время подобные поручения и специфический статус, видимо, порождали у петербургских профессоров эйфорию избранности, уверенность в собственной научной непогрешимости. Осенью 1842 г. казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин послал Уварову рукопись магистерской диссертации слависта В.И. Григоровича «Опыт изложение литературы словен в ее главнейших эпохах». Уваров поручил профессору П.И. Прейсу, одному из самых ярких славистов первой половины XIX в., разобрать диссертацию. Прочитав сочинение Григоровича, профессор написал достаточно объемную рецензию, которая представляла собой пересказ основных выдвинутых Григоровичем положений, снабженный едким оценивающим комментарием. Рецензент, руководимый, вполне вероятно, профессиональной ревностью, задался целью найти в диссертации все существующие недостатки научного труда: «... автор не заботился о ясном, отчетливом и последовательном изложении; <...> он, говоря или терминами философскими, или выражениями слишком общими, едва представляет читателю возможность догадаться, на какой именно факт автору хотелось указать. К тому еще следует присоединить неточность языка, беспрестанные отступления от главного предмета и постоянные повторения одних и тех же мыслей <...> Григорович вместо свободного, непринужденного исследования, руководствовался подготовленным взглядом; <...> передавая мнения других, не подвергает их самостоятельной критике; <...> рассматриваемое рассуждение не может выдержать строгого разбора. Причина неудовлетворительности диссертации находится отчасти в выборе самой темы обширной, чрезвычайно сложной и неразработанной. О многих памятниках литературы автор мог говорить только по сказам других. Эти памятники еще не напечатаны или очень редки, следовательно о них до времени нельзя иметь самостоятельного мнения. Некоторых книг, изданных разными учеными в разные времена <...> Гри-

³⁸ *Петровский М.П.* Григорович и Прейс. К истории славяноведения на Руси // ИОРЯС ИАН. 1897. Т. II. Кн. 3. С. 743–744.

горович не имел под рукою, и таким образом не мог ими воспользоваться в надлежащих местах. <...> Григорович изложил избранный им предмет не полно, не везде ясно, частью поверхностно; <...> автор нередко жертвовал истиною в пользу философских предубеждений; <...> рассматриваемое рассуждение есть большею частью сборник чужих мнений, неисследованных критически. Основываясь на таком выводе, я полагаю необходимым предложить <...> Григоровичу вновь заняться пере[ис]следованием предмета и, если можно, отложить изложение его до времени, когда автор будет иметь под рукою все источники, относящиеся к предмету его рассуждения»³⁹.

Критическая рецензия была передана Уварову, а министр отослал ее как анонимный отзыв столичного эксперта Мусину-Пушкину с требованием ознакомить с ней Григоровича, чтобы тот при печати своей диссертации постарался учесть высказанные замечания. 19 марта 1843 г. письмо министра было получено в Казани, а 2 июля Григорович написал на имя попечителя ответ, в котором обвинял рецензента в пристрастности и в нежелании давать конструктивную критику.

Григорович последовательно ответил на все замечания рецензента, в том числе на обвинение Прейса в недостаточном знакомстве с исследованиями по предмету и о некритическом отношении к литературе. Григорович парировал: «Мне кажется, мой труд заслуживал, по крайней мере, столько снисходительности, чтоб показать какие именно эти сочинения. Две строки лишние не убавили бы вероятно ни в чем строгости, какую г[осподин] Ученый хотел придать своему мнению. Не стыжусь сознаться, что не могу догадаться, какие именно сочинения, когда наука, которой посвящаюсь, так еще нова, а материалы так редки. Г[осподин] ученый верно не захочет упоминать о сочинениях, которые вовсе приобрести невозможно или которые вышли в свет в последние два года. <...> *Чужими мнениями* воспользовался я так, как все пользуются. Если они признаны истинами, то перестают быть чужими и делаются общим достоянием. Как обратил их я в пользу, видно из приведенных ссылок. Я ничего не утаил, в этом меня никто не уличит. Смеею сказать, что мой Опыт заключает *результаты* исследований известных ученых, подве-

³⁹ *Петровский М.П.* Григорович и Прейс. С. 728–730. О Григоровиче и его вкладе в славяноведение см., например: *Макарова Н.И.* Из истории первых университетских научных школ славяноведения в Казани: наследие В.И. Григоровича // *Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки».* 2007. Т. 149. № 2. С. 24–35.

денные под общие начала. Мне кажется, есть разница между приведением *результатов* и *повторением чужих мнений*»⁴⁰ (курсив мой. – К. И.).

В заключение Григорович, отмечая еще раз несправедливость рецензии, писал: «Своим мнением он (рецензент. – К. И.) слишком дал мне заметить, какого судьбу встретил мой труд. Произносить приговор без приведения оснований, решать судьбу труда, не потрудившись сделать хотя несколько указаний на требования, какие делает наука и не исполняет мой Опыт – может лишь тот, кто ставит себя непогрешимым авторитетом. Авторитету конечно не стоит труда – в нескольких словах уничтожить то, о чем снисходительный критик, может быть, выразился бы отчетливее. Весьма вероятно, что г. ученый имел свои поводы обращать свое мнение лишь в таком тоне к моему опыту, но я с своей стороны вынужденным нахожусь доложить, что это лишило возможности найти в его мнении полезные замечания и что хотя и сам я признал мой труд слабым, чувствую однако ж, я не заслужил безотчетливого осуждения в деле науки»⁴¹.

Видимо, Уваров удовлетворился подобным ответом от уже утвержденного в степени магистра Григоровича. А профессор Прейс, узнав, что его рецензия не повлияла на ход аттестации, требовал отмены магистерства Григоровича.

Предписания о рецензировании диссертаций

Стимулированная министерством практика рецензирования диссертаций в конце 1830 – начале 1840-х годов начала получать правовое закрепление. 10 октября 1838 г. Уваров приказал университетам высказать свое мнение о «Временном положении о присуждении ученых степеней» (1837). В связи с этим 21 декабря 1839 г. казанский попечитель представил «Проект перемен в положении на ученые степени».

Согласно его предложению мнение о представленной соискателем магистерской или докторской степени должен был высказывать факультет, который «в суждении своем обязан сказать, в чем именно заклю-

⁴⁰ Петровский М.П. Григорович и Прейс. С. 739, 741.

⁴¹ Там же. С. 742.

чается достоинство представляемого сочинения»⁴². Особо прописывалось требование к докторской диссертации: это «должно быть такого рода произведение, которое бы доказывало собственный взгляд на предмет, или новость изобретения, или новость в заключениях, или наконец значительность с особую целью предпринятого труда»⁴³.

Профессора университета Святого Владимира в Киеве высказали пожелание, чтобы диссертация «по крайней мере за четыре дня до дня диспута роздана между членами ученого университетского сословия, иначе невозможно будет с надлежащею основательностью делать возражения и притом такие, которые бы направлены были не против одних тезисов, не всегда представляющих вполне сущность рассуждения, но и против отдельных частей его и мыслей»⁴⁴. Харьковские профессора в своем донесении отмечали, что диссертация должна «приносить пользу науке»⁴⁵.

Летом 1842 г. при Министерстве народного просвещения был учрежден особый комитет для «соглашения» мнений профессорских советов по поводу присуждения ученых степеней⁴⁶. В Комитет вошли товарищ министра П.А. Ширинский-Шихматов, вице-директор Департамента народного просвещения П.И. Гаевский, академики П.Н. Фус и Э.Х. Ленц, ректор Санкт-Петербургского университета П.А. Плетнев, профессора этого же университета А.А. Фишер и П.Д. Калмыков⁴⁷. Среди прочего комитет определял академический статус диссертации.

Калмыков считал, что диссертация должна представлять собой «самостоятельное, подробное и основательное исследование какого-либо специального предмета науки, а не выписку или компиляцию из ученых и учебных сочинений»⁴⁸. Каждая диссертация должна рассматриваться всеми членами факультета, а оценка выноситься на основании подробного разбора, представленного одним из профессоров. Соискатель должен доказать, что диссертация – это действительно его собственное со-

⁴² РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 177 «Дело о пересмотре положения об испытаниях на ученые степени по замечаниям и дополнениям попечителей учебных округов», 1839–1842. Л. 12 об.

⁴³ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 177. Л. 13.

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 177. Л. 32.

⁴⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 177. Л. 49.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178 «Дело о пересмотре положения об испытаниях на ученые степени по замечаниям и дополнениям попечителей учебных округов, ч. 2», 1839–1844. Л. 32.

⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178. Л. 32–32 об.

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178. Л. 211–211 об.

чинение: для этого ему задаются вопросы. Диссертация должна быть защищена публично⁴⁹.

Философ Фишер вторил ему: «диссертация сообщится по очереди всем профессорам факультета или отделения, особенно же профессору по принадлежности предмета, для составления подробного разбора, вследствие которого сама диссертация одобрится или отвергнется и ищущий степени допустится к дальнейшему испытанию или нет. Это самое представленное сочинение должно служить текстом полному собранию факультета или отделения для подробнейшего и взыскательнейшего испытания в области тех соединенных наук, которые предписаны в проэкте таблицы Г. Тогда сделается очевидным и то, сам ли докторант сочинил свою диссертацию или он пользовался чужою помощью, что при ныне существующем публичном защищении диссертации невозможно узнать. Публичное защищение тогда может быть одною маловажною формальностью для публики, потому что в подлинности и в познаниях автора факультет уже удостоверился прежде. При ныне существующем порядке диссертации придается законом большая важность, а при всем том никогда не случается, чтобы за дурное защищение (и бывали уже при мне очень дурные), не отказывают в производстве в степень, хотя дурное защищение умственного произведения, изданного за собственное, сильно и невольно внушает подозрение о подложности оною или по крайней мере в участии услужливого помощника»⁵⁰.

В принятом 6 апреля 1844 г. «Положении о производстве в ученые степени» отразились основные требования профессоров. Впервые регламентировались требования по оценке диссертаций. Так, тема диссертации магистра выбиралась им самим и должна была быть одобрена факультетом или отделением, в котором он до этого сдал устные и письменные экзамены. Текст диссертации «по распоряжению декана рассматривается всеми членами факультета или отделения порознь, а подробный разбор оной делает профессор или адъюнкт, к предмету коего принадлежит сочинение. Если диссертация признана будет удовлетворительною, совет университета допускает кандидата к публичному защищению своего сочинения»⁵¹.

⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178. Л. 211 об.

⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178. Л. 136 об–137.

⁵¹ Высочайше утвержденное положение... С. 246.

Для соискателя докторской степени все начиналось с того, что он представлял декану факультета текст диссертации, которая «должна подробно развивать такой предмет, который не входил в объем представленной для получения степени магистра»⁵². Затем этот текст «подробно рассматривается членами факультета, преимущественно профессором, к преподаванию которого принадлежит предмет сочинения, и потом, для доказательства самостоятельности оной, защищается автором в присутствии факультета, который не прежде как по одобрении самой диссертации и защите оной, разрешает допустить [соискателя] к установленному испытанию»⁵³. Только в случае успешной предзащиты и после проведения всех экзаменов соискатель допускался к «публичному защите диссертации». Положение требовало заранее назначать (деканом или факультетом) не менее двух «возражателей на тезисы» (на практике нередко назначали троих и даже четверых).

Таким образом, анализ практики рецензирования диссертаций в Санкт-Петербургском, Московском и Казанском университетах, существовавшей до ее законодательного закрепления в 1844 г. (в «Положении о присуждении ученых степеней»), позволил выявить несколько причин их появления.

В середине 1820-х годов в факультетских протоколах университетов зафиксированы случайные развернутые определения, вызванные, видимо, желанием корпорации соотнести собственные ожидания от «профессорских стипендиатов» и полученные ими научные результаты.

В 1830-е годы появляются письменные рецензии, написанные профессорами Санкт-Петербургского университета на диссертации, выполненные в других университетах империи. Главным поводом появления этих рецензий было выполнение поручения министра об экспертизе научной продукции университетов. Подобный способ регулирования научной деятельности имел несколько последствий. Во-первых, в отрицательных рецензиях столичных профессоров были сформулированы критерии «антинаучности» диссертации (поверхностность и непоследовательность изложения, бездоказательность выводов и положений, компилятивность работы, недостаточное знакомство с историографией, некритическое отношение к литературе, повторение мыслей, неточность языка и т.п.). Во-вторых, этот процесс породил дискуссию об этических

⁵² Высочайше утвержденное положение... С. 247.

⁵³ Там же.

нормах экспертизы, в результате чего авторами рецензируемых сочинений и советами университетов были сформулированы критерии эффективности научной экспертизы (беспристрастность эксперта, конструктивность высказанных замечаний).

Препринт WP6/2016/02
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Ильина Кира Андреевна

**Что побуждало русских профессоров писать рецензии:
к истории жанра**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,3
Усл. печ. л. 1,2. Заказ № . Изд. № 1964.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»